

Денис Рогалев

Шатун

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Рогалев

Шатун

«Автор»

2026

Рогалев Д. В.

Шатун / Д. В. Рогалев — «Автор», 2026

Отец и не догадывался., в какую пучину абсурда и мракобесия, может повергнуть его общение с мёртвым сыном...

© Рогалев Д. В., 2026

© Автор, 2026

Денис Рогалев

Шатун

1

Вернувшись на материк из двухнедельного путешествия по дальнему востоку, Герман Морозов узнал, что его шестнадцатилетний сын Антон погиб в результате несчастного случая — подросток проезжал на электросамокате оживлённый перекрёсток и был сбит легковым автомобилем на полном ходу...

Морозов не успел на похороны сына. На девять дней он решился отправиться на кладбище и посетить могилу сына. Герман отказывался принять свершившийся факт потери, дав волю слезам и развязавшись там же, у свежего холма с деревянным крестом, после долгого, почти в три года, полного воздержания от алкоголя. Морозов ушёл в беспробудный тягучий запой, спустив на спиртное все оставшиеся после путешествия деньги, начав с дорогих виски и коньяка, а закончив — самой дешёвой водкой из алкомаркета.

Свой финиш, когда отваживаешься взять себя в руки и прервать марафон, Герман встретил в пустующей квартире друга, где из всей мебели были диван, старый стол и пустой холодильник. Морозов точно помнил, что начинал пьянку дома под соболезнающим присмотром своей семьи, и как попал сюда — он не имел ни малейшего представления. Деньги кончились. В необитаемой квартире шаром покати. Оставалось неизбежное и самое страшное — терпеть делирий и возвращаться к трезвой жизни. Возвращаться в семью...

Делирий был жуткий, полный кошмарных снов, сбоев в некогда отлаженной работе всего организма и панических предчувствий сиюминутной смерти в пылу агонии. Герман глотал воду литрами, беспокоило ворочался на диване, трясся и обливался потом, бросаемый горячечным бредом то в жар, то в холод. Поспать и пережить катастрофу ночей никак не получалось — он и забыл, что такое тревожный сон алкоголика, когда границы реальности и галлюцинаций воспалённого мозга начисто стёрты. Морозов лежал лицом к стене, заглатывал собственный язык и подскакивал, опасаясь эпилептического припадка. Засыпать было страшно. Но когда веки закрывались сами собой, а душа проваливалась в чёрную бездну, Герман слышал женские голоса и звон посуды, доносившиеся из кухни. Он понимал, что в квартире, кроме него и тараканов, никого нет, но незнакомые голоса звучали вполне убедительно. Герман различил три разных. И в какой-то момент догадался, что обсуждают именно его.

— Не успел, — печально вздыхая, говорила одна. — Телефон выключил. Хуй дозволишься. Только по приезде и узнал. Позорище.

— Пидарас, — ей отвечала другая. — Пи-да-ра-си-на.

— Конченная, — им вторила третья.

Помолчали секунду. Вкрадчивый перезвон — стукнулись рюмками и выпили.

— Зря мы чокнулись, — вновь заговорила первая. — Не положено.

— Не положено пропускать похороны собственного сына, — сказала вторая.

Герман не выдержал и резко обернулся от стены к дверям.

— А ну, блядь, закрыли свои поганые хавальники! — крикнул он в пустоту.

На кухне притихли. Герман вновь отвернулся к стене, покрыв голову руками за неимением одеяла. Спустя минуту разговор, однако, продолжился, но уже в более тихих тонах.

— Ему бы бульона похлевать...

— Перебьётся, алкаш подзаборный.

— Всё просрал. Семью свою первую просрал. Теперь вот сына.

— Так он уже был женат раньше? — спросил вдруг четвёртый незнакомый женский голос. — Какой кошмар.

— Представь себе... И всё по пьянке.

— Потом вроде как бросил и снова подженился. Родился новый ребёнок.

— Кто? — полюбопытствовала четвёртая.

— Мальчик.

— И сколько ему сейчас?

— Три полных года.

— Просрёт и этих. Вот посмотрите.

— Кошмар какой...

Герман заткнул уши руками. Звон рюмок — на кухне выпили по новой. Голоса стихли, сменившись мерным стрекотанием стригущих чьи-то волосы парикмахерских ножниц. Звук этот бесил ещё больше, чем бабские сплетни. Морозов не убирал своих рук с головы, не доверяя цирюльнику и опасаясь за свои уши.

Пытка ножницами длилась больше часа. Герман не выдержал, перевернулся на спину и включил смартфон. Прогноз погоды. То, что надо. То, что доктор прописал. Ненавязчивый и спокойный голос дикторши — симпатичная брюнетка указывала на карту циклонов. Герман успокоился и даже как будто бы задремал, пусть и с открытыми глазами. Брюнетка из прогноза погоды повернулась к зрителю спиной, да так и осталась стоять неподвижно, уставившись в одну точку на карте. Морозов напрягся, ожидая очередного подвоха. И подвох не заставил себя долго ждать: брюнетка, не оборачиваясь, медленно запрокинула голову назад, неестественно выгнув резиновую шею и не теряя осанки, после чего, коснувшись затылком своей спины, ощерилась в зловещей зубастой улыбке от уха до уха... Смартфон выпал из дрожащих рук мгновенно взмокнувшего Германа.

Подорвавшись с дивана, Герман метнулся на кухню в надежде обнаружить в пустом холодильнике хоть что-нибудь отдалённо напоминающее еду. В морозильнике под слоем слежавшегося инея (о, чудо!) он нашёл неприметную пачку старых слипшихся пельменей. Герман наполнил кастрюлю водой и водрузил её на плиту. Ударив пачку кулаком, Морозов отделил пельмени друг от друга и высыпал их на тарелку. Сами пельмени как таковые его интересовали мало (он попросту не смог бы их проглотить) — ему хотелось бульона. Жирного и горячего бульона, который, несомненно, поставит его на ноги, дав живительной силы, и рассеет бред галлюцинаций. Вода вскипела. Пельмени отправились в кастрюлю. Герман помешивал бульон, искоса поглядывая в коридор, где как-будто бы что-то клубилось и двигалось по тёмным углам.

— Брысь! — хрипел Морозов, корча рожи в коридор.

В кипящей кастрюле поднялась пена. Герман помешал воду, узрев всплывшие гурьбой отрезанные ножницами человеческие уши. Подавив тошноту и поняв, что бульона ему не видать, как собственных... Морозов слотнул слюну, выключил газ и с лязгом досады обрушил на кастрюлю крышку. Несолоно хлебавши, он поплёлся обратно к дивану, свалившись на него всей своей бессильной массой, чтобы продолжить прыжки с зыбучей вышки из одного сна в другой, не имея никакой возможности собрать воедино эту нескончаемую чудовищную матрёшку. Знакомые уже теперь Герману женские голоса вновь дали о себе знать, издевательски затянув на кухне колыбельную:

Спи, моя радость, усни.

В доме погасли огни.

Пчёлки затихли в саду,

Рыбки уснули в пруду.

Месяц на небе блестит,

Месяц в окошко глядит...

*Глазки скорее сомкни,
Спи, моя радость, умри.
Умри или не умри.*

Когда в окнах забрезжил рассвет, хор из гадских голосов угомонился. Герман уснул, казалось бы, крепко и надёжно. И проспал до вечера. Ночью, впрочем, он вернулся в своё прежнее фрагментарное состояние, болтаясь между сном и реальностью. Побродив по квартире, Морозов нашёл старый клетчатый плед, под которым и решил укрыться с головой. Герман громко сопел и обливался потом (тёплый душ не спасал), то откидывая плед, то закутываясь в него, словно в кокон. На вторые сутки делирия случилось самое страшное — посреди ночи на Германа упало грузное и бесчувственное тело, вдавив его в диван... Пустую квартиру оглушил дикий истошный вопль.

Потом долго стучали в дверь. Дёргали за ручку. Уничтожали электрический звонок. Ломились, одним словом, в квартиру. Возможно, соседи вызвали полицию, испуганные криками. Возможно, Герману всё это только снилось. Как бы то ни было, когда Морозову показалось, что входную дверь сняли-таки с петель и выставили в коридоре, он осознал, что без капельниц и дальнейшего специфического лечения ему не обойтись. Не дожидаясь утра, Морозов оделся кое-как (кроссовки нашлись на средней полке в холодильнике), умылся и вызвал «скорую». Прибывшие на вызов врачи обнаружили больного в плачевном состоянии — он трясся, чесался, бормотал несуслаицу, а волосы на его голове были беспорядочно острижены, зияя проплешинами на висках и макушке...

2

Время, как известно, лечит.

Осень сменила зима. Последние листья опали, сгинув в дымных кострах, и с неба посыпал снег. Герман Морозов жил, как и прежде, занимаясь семьёй и работой, вспоминая те страшные смутные дни своего алкогольного марафона не иначе, как с содроганием. Он примирился с потерей сына. Он принял её как неизбежную данность. Утешаясь в играх с младшим сыном Артёмом, Герман ловил себя на жестокой, но правдивой мысли, что нашёл в нём замену Антону, а значит, род Морозовых не прервался, значит, род продолжается. Жена Марина также утешала и отвлекала Германа от скорби своей лаской, заботой и покладистым характером, отдав ему всю свою любовь, которой хватило бы и на двоих с головой, посвятив мужу и сыну всю себя.

Трудился Герман в юридической конторе, занимаясь вопросами банкротства частных лиц. Работу свою Морозов любил. Вернее, он любил те деньги, тот стабильный и достойный доход, который давала ему эта работа. Герман обожал путешествовать с семьёй, дорогие вещи и вкусно поесть. Он следил за собой и регулярно посещал спортзал. Проживал Герман за городом в двухэтажном особняке. Ему нравилась его размеренная, наперёд спланированная жизнь, и особых угрызений совести относительно первой жены и старшего сына Антона, которых бросил ради новой семьи, он не испытывал. Так или иначе, он потерял связь с обоими. С бывшей женой Морозов общался главным образом по телефону, если она или Антон срочно в чём-то нуждались, а видел он её в последний раз на сорок дней после гибели сына. Она была крайне бледна, истощена и совершенно потеряна; казалось, что она не понимает, где находится и кто все эти люди, неподдельно изображавшие скорбь. Герман украдкой и виновато поглядывал на Елену (так звали бывшую), отмечая про себя, что она по-прежнему прекрасна. Сидели в каком-то ресторане, молча хлебали борщи, ели ложками пюре с котлетами и закусывали сладкими пирожками под компот из сухофруктов. Посидев около часа и помянув Антона, собравшиеся стали расходиться, собирая по пакетам съестное. На крыльце Елена неожиданно обратила вни-

мание на Германа, будто только теперь заметила его присутствие, перехватила его и отвела в сторону.

— Почему ты не пришёл на похороны? — спросила она, глядя куда-то в сторону. — Он так тебя ждал...

— Ждал кто? — не понял Герман, нахмурившись (в своём ли она уме?).

— Прости, — махнула головой Елена. — Не обращай на меня внимание... Я словно в тумане. Всё плывёт. Всё течёт куда-то...

— Не извиняйся, — сказал Герман. — Я тебя понимаю. Сам только после больницы. Еле оклемался. Думал, кони двину или в дурку загремлю.

— А что с тобой? — участливо спросила Елена.

— Забухал, — честно ответил Герман. — Не мог на трезвую смириться.

— Ты же завязал. Ты так долго держался.

Герман по-детски пожал плечами. Подбородок Елены задрожал, из синих глаз её закапали слёзы. Она повалилась Герману на грудь, сотрясаясь в рыданиях.

— Прости меня, — произнёс Морозов, обхватив бывшую жену и крепко-крепко прижав её к себе, как раньше. — Прости за всё. Я не смог приехать. Я вернулся на материк и лишь тогда обо всём узнал. Было поздно. Я места себе не находил. Кусал локти. И плакал, плакал, плакал, мечтая, что вижу кошмарный сон и сейчас же проснусь.

— Что у тебя с головой? — вдруг спросила Елена.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Герман.

— Причёска, — пояснила Елена. — Ты никогда не подстригался так коротко.

— А, это... Случайность. Последствия запоя.

— Отвезёшь меня домой?

— Конечно.

Герман проводил бывшую жену к своему автомобилю. Она уселась спереди, не забыв пристегнуться ремнём. Оба всю дорогу молчали, отстранённо и безучастно уставившись в ветровое стекло. Шёл снег. Шептали «дворники».

— Зайдёшь к нам? — предложила Елена, когда добрались. — У меня есть коньяк.

— Я за рулём, — ответил Герман.

— Есть кофе...

— От кофе я не откажусь.

В квартире, с тех пор, как Морозов покинул её, ничего не изменилось. Пока Елена молола и заваривала кофе, Герман украдкой прокрался в комнату сына. Заправленная постель, вещи на стуле и небрежно брошенные у окна носки — казалось, что Антон вот-вот вернётся...

— Я нарочно здесь не прибиралась, — сказала Елена, как привидение возникнув за спиной у Германа. — Оставила всё, как было в то утро, когда он ушёл в школу.

— Я заметил, — отозвался Герман, замерев посреди комнаты.

— Идём пить кофе.

Елена добавила в свою кружку коньяку. Герман отказался. Поговорили о сыне, о последних днях его жизни, не предвещавших никакой катастрофы, о проклятом перекрёстке, где регулярно сбивают спешащих людей, решивших перебежать в неположенном месте и сократить свой путь... Потом Елена ушла в ванную. Герман допивал свой кофе и смотрел в окно, где кружились крупные хлопья снега.

— Я пойду, — сказал он, помыв свою кружку.

Елена ничего не ответила. Герман подошёл к двери. Шумел душ.

— Лен? — позвал Герман, деликатно постучавшись в дверь. — Я уйду.

Почувствовав неладное, Морозов решился приоткрыть дверь.

— Лен, я загляну?

Бывшая жена под упругой струёй душа сидела голая в ванной, поджав к груди колени и обхватив их руками. Её сотрясала лихорадка; рыдания давились в груди и в глотке. Герман распахнул двери настежь и навис над ванной.

— Что с тобой? Ответь мне! Ты меня слышишь?

Елена повернула к нему голову, оторвав дрожащий подбородок от коленей.

— Помоги мне, — произнесла она скрипучим голосом. — Мне плохо. Мне так плохо без него.

— Идём в комнату, — засуетился Герман, взяв бывшую жену под мышки.

— Я не знаю, зачем мне жить дальше... Я хочу умереть.

— Не говори глупости. Жизнь продолжается.

Елена кое-как выбралась из ванной, медленно, на сгибающихся ногах, прошествовав в спальню, ведомая сзади Германом. Накрыв бывшую жену одеялом, Морозов усадил её на кровать и, участливо обняв за мокрые плечи, уселся рядом.

— Ну как, лучше? — спросил он.

— Не знаю, — ответила она, обмякнув.

— Выпей ещё коньяку, — предложил Герман. — Я принесу...

— Не надо, — придержала его Елена. — Мне уже лучше. Сейчас отпустит.

— И часто у тебя так?

— Случается...

Герман мyal её плечи, ощутив внезапный прилив мужской силы. Елена, похоже, тоже почувствовала это, позволив его рукам спуститься ниже и обхватить заострившуюся от мурашек грудь. Не сговариваясь и повинаясь вдруг нахлынувшей страсти, бывшие супруги повалились на кровать, впившись друг в друга жадными ртами. Герман мгновенно разоблачился, побросав всю свою одежду на пол, оставшись в одних носках. Елена развела свои колени в стороны, раскрывшись перед Германом полностью, дабы он не медлил и овладел ею тут же, овладел основательно... Морозов вошёл в неё без труда, тут же задав стремительный темп. Елена вскрикнула, запрокинув голову назад; её бёдра охотно и умело двигались навстречу его толчкам; животы смачно шлёпались друг о друга (нутро, словно метроном, булькало выпитым кофе); они буквально задыхались и захлёбывались в пучине страстей...

— Глубже! — молила Елена, схватив Германа за зад.

Герман приподнялся на коленях, задрал её ноги к её же плечам.

— Да! — потекла Елена. — Вот так!

Чавкающие звуки свирепого соития сменились хлюпаньем её сосущей изголодавшейся вагины, с громким хрюканьем в выхлопах воздуха втянувшей Германа в себя по самую мошонку.

— Кончай в меня! — просила Елена, впившись в ягодицы Германа ногтями.

Герман не стал вырываться из цепких объятий бывшей жены, «кончив» в неё, что называется, по первому требованию. Оба затихли, распластавшись на смятых простынях. Говорить ничего не хотелось. Да и что тут скажешь? Они лежали и пыхтели в подушку, стараясь привести дыхание в порядок...

Когда Морозов сидел за рулём своего автомобиля и добирался до дома, он не мог поверить в случившееся. Перед глазами вспыхивали яркие образы импровизированной случки с бывшей женой, замутняя рассудок и возбуждая похоть с новой силой. Герман беспокойно ёрзал в водительском кресле и нервно тёр глаза, в сотый раз спрашивая самого себя, — неужели не всё ещё остыло? Неужели чувства к бывшей жене способны пробудиться в самый неожиданный момент? Нет. Не может быть. Разовая акция... Пожалуй, она и сама сейчас в ступоре, сидит и ничего не понимает. Герман успокаивал себя, как мог, ощутив внезапный приступ вины перед своей нынешней супругой.

Глухой удар о капот пробудил Морозова и выдернул его из грёзоподобных раздумий. В окне мелькнул взлетевший в воздух яркий портфель. Герман автоматически дал по тормозам. Сердце бешено колотилось. Вкрадчиво урчал мотор. «Дворники» мягко скользили по ветровому стеклу, сметая свежие снежинки... Прежде чем к Герману пришло осознание того, что он сбил школьника, собственно, сам школьник в панике подскочил с земли, схватил свой портфель и побежал восвояси, куда глаза глядят.

— Эй! — окликнул его Герман, высунувшись из салона. — Ты в порядке, пацан?!

Но пацан ничего не ответил, скрывшись в снежной пелене. На ватных ногах Герман побродил вокруг своего автомобиля, потрогал тёплый капот без признаков каких-либо повреждений, после чего вернулся в салон.

— Ты в порядке? — спросила Марина дома. — На тебе лица нет.

— Совсем не в порядке, — ответил Герман, скрывшись в ванной.

Он взглянул на себя в зеркало — мёртвенно-бледное лицо, бегающие глаза, дрожащий подбородок... Приспустив штаны, Герман повернулся к зеркалу спиной, различив на своих ягодицах свежие царапины.

— Твою ж мать, — произнёс он, натянув штаны обратно на зад.

Герман спустил воду в бачке унитаза и вышел из ванной.

— Как прошло? — поинтересовалась Марина.

— А ты сама как думаешь?

— Извини...

Морозов смягчился и обнял жену.

— Ты меня извини, — сказал он, вздохнув. — Тошно мне. Ох, как тошно.

— Я понимаю, — отозвалась Марина. — Правда, понимаю.

Она поцеловала мужа в щёку; в глазах её читалось неподдельное участие.

— Говорил с Леной? — спросила она.

— Да, — кивнул Морозов, закусив губу. — Пообщались.

— Как она?

— Никак... Сильно похудела. Лицо осунулось... До дома её довёз.

— Ну и правильно, — сказала Марина. — Ты её проведай как-нибудь. Поддержи.

— Даже не знаю, — вновь вздохнул Герман. — Стоит ли?

— Стоит, стоит.

— Впрочем, может быть. Ты права. Навещу её как-нибудь. Поддержу.

— Так будет правильно.

— Пожалуй.

Герман поцеловал Марину в губы.

— Пойду, полежу, — сказал он — Что-то мне не по себе.

— Иди, конечно... Ты весь белый.

Герман ушёл в спальню, бухнувшись на кровать. Он закрыл глаза и попытался заснуть, чтобы забыться хотя бы на час. Образы голой Елены, сидящей под душем, и школьника, упавшего на капот, вспыхнули в голове с новой силой. Герман ворочался с боку на бок, силясь опустошить своё сознание — безуспешно: образы наслаивались один на другой, обрастая фантастическими подробностями, которых на самом деле не было; так, например, школьник плюнул себе под ноги и показал средний палец, прежде чем податься в бега, а Елена просила потереть ей спину, намылив мочалку прямо в спальне после соития... Герман спал, накрыв голову подушкой. Антона больше нет. На сороковой день пришло окончательное понимание и принятие данного факта. Антона нет нигде на Земле. Даже на самом её краю. Даже на Камчатке. Морозов потерял его снова. И на сей раз — навсегда.

Короткие зимние дни потянулись унылой чередой. Герман вкусно ел, крепко спал, ходил на работу и возвращался домой. На какое-то время он отказался от вождения автомобилем, предпочитая относительно безопасный общественный транспорт. Бывшую жену он больше не навещал, о старшем сыне старался не думать, хотя и ловил себя на мысли, что видит Антона чуть ли не в каждом подростке, мелькнувшем в толпе, в магазине или в соседнем вагоне метро... Герман гнал от себя скорбные мысли, настраиваясь на нужный лад.

Близились новогодние праздники. В просторной гостиной загородного дома Морозовых красовалась живая нарядная ёль под потолок, увешанная доброй сотней разноцветных шаров, увитая яркой гирляндой и с Вифлеемской звездой на макушке. Электрический свет был выключен. На столе и подоконнике горели свечи. За окном клубился морозный зимний вечер. В камине уютно потрескивали поленья. В доме, кроме Германа, никого (жена с ребёнком уехала в город погостить к своим родителям). Морозов сидел в любимом кресле и тянул из бокала любимый виски со льдом, слушая вращавшийся под шепелявой иглой виниловый пласт с ненавязчивой рождественской музыкой. Тёплая сладкая истома пополам с томной дремой разливались по Герману от рук к ногам, от ног к голове, тая аккуратными кубиками льда в бокале с медовым скотчем.

— И пусть весь мир подождёт, — произнёс Морозов, сытно ухмыляясь этаким Чеширским котом.

Он потянулся в кресле во весь рост и от уха до уха зевнул. В этот момент на крыльце, как показалось Герману, слабо стукнула дверь. Пребывая в игривом настроении, Герман притворился спящим, решив, что его домочадцы вернулись раньше. Гирлянда и звезда на ёлке вдруг потухли, лишившись электрической подпитки; пластинка под иглой остановилась, прервав искажённым голосом заезженный рождественский мотив. Морозов, впрочем, не дрогнул, продолжая притворяться спящим. Из коридора послышались медленные шаги и какое-то странное шуршание. Приоткрыв левый глаз, Морозов в затрепетавших свечах увидел Антона, бредущего по коридору от входной двери к лестнице — подросток заметно хромотал, его осенняя куртка была расстегнута, а за спиной по полу волочилась увесистая школьная сумка, пристёгнутая ремнём к больной ноге... Вцепившись в поручень рукой, Антон стал взбираться по лестнице на второй этаж. Когда он и его жутко ползущая по пятам сумка скрылись из виду, Герман открыл оба глаза и осторожно, словно в замедленной съёмке, приподнялся в кресле.

«Что это? — вопрошал он себя, преодолевая столбняк и ступор. — Мираж, вызванный причудливой игрой теней в мерцании свечей? Или сон, спровоцированный скотчем?»

Как бы то ни было, Герман, боясь спугнуть видение, на цыпочках прокрался в коридор и посмотрел вверх на лестницу. Во мраке вспорхнула и упала на пол осенняя куртка; за ней полетели штаны и свитер... Из душевой послышался шум включённой воды. Выжидая в коридоре, Герман так и не рискнул подняться на второй этаж. Минут через пять воду в душевой выключили. В темноте замаячило белое пятно. И пятно это близилось, спускалось по лестнице, приобретая узнаваемые черты обнажённого Антона, перепоясанного белым баннным полотенцем. С каждым его шагом по ступеням, Герман отступал и пятился назад, едва не споткнувшись на порогах. В дверях отец и сын разминулись; Герман вжался в стену, пропустив хромотающего Антона в гостиную; каждый волосок на руках Германа, как по команде, поднялся дыбом и ощерился...

— Пиздец там холодно, — загробным голосом произнёс Антон.

Он уселся в отцовское кресло, скрестил ноги и отпил из бокала скотч.

— Где холодно? — робко спросил Герман.

— Ну, там...

Антон ткнул пальцем вниз.

— Ты понимаешь...

— Не очень, — ответил Герман.

— Ладно, теперь уже не важно, — сказал Антон, оставив бокал и закулив сигарету.

— Не знал, что ты куришь.

— Ты много чего обо мне не знал, — усмехнулся Антон, пуская кольца дыма.

Герман обошёл кресло по кругу, не спуская глаз с сына — совсем как живой, лишь ссадины на лице и гематомы на теле.

— Как ты здесь? — спросил Герман.

— Да вот, решил заглянуть в гости к вам, — ответил Антон. — Новый год — время чудес. И чудеса, в виде исключения, иногда случаются. Опять же, интересно, как поживает твой отец со своим новым семейством?

— Сомневаюсь, что дело только в этом.

— Исключительно... Любопытства ради.

— Ты застрял между мирами? — предположил Морозов. — Твоя душа болит и не может найти успокоения после страшной аварии?

— Какой аварии? — нахмурился Антон, снова отхлебнув из бокала. — Фу, мерзость...

— Ты не помнишь аварию? Совсем?

— Смутно, смутно...

— Тебя сбила машина по дороге в школу.

— В самом деле?

— На перекрёстке.

— Хм...

Антон изобразил на лице муки тяжких воспоминаний, подверженных мнимой амнезии.

— Не кривляйся, — раскусил его Герман. — Ты всё прекрасно помнишь.

— Ещё бы, бля! — выругался Антон, поменявшись в лице. — Такое, знаешь ли, не забывается.

— Не выражайся при мне, пожалуйста, — попросил его Герман.

— Да вообще по хуй, — съязвил Антон, бросив окуроч в камин (тот зашипел и сгинул в синем пламене). — Какая теперь разница?

— Есть разница. Есть... Читал «Бобок»?

— Что ещё за «Бобок».

— Рассказ Достоевского, — пояснил Герман, присев на корточки у камина. — Фёдора Михайловича. Знаешь такого?

— Ага, — кивнул Антон. — Виделись на том свете.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно.

Герман сурово посмотрел на сына, гадая, врёт он или нет?

— Так вот, — продолжал Морозов: — в рассказе «Бобок» Достоевский, от лица главного героя, который пришёл на кладбище и начал слышать покойников под землёй, повествует о том, как мертвецы договорились меж собой...

— Хуйня всё это, — перебил отца Антон. — Мертвецы не могут разговаривать. По крайней мере, под землёй...

— А как они могут? — полюбопытствовал Морозов.

— Да никак они не могут, — отмахнулся Антон. — Хули взять с мертвяка?

— А ты?

— Что я?

Герман тщательно подбирал слова, дабы не обидеть призрак сына и тем самым не спугнуть его.

— Ты здесь, — вкрадчиво говорил Герман, — ты общаешься со мной...

— И чё?

— Что там? — спросил, наконец, Морозов.

— Где? — насторожился Антон.

— На той стороне...

— Ах, вот ты о чём! — засмеялся Антон. — Папке стало любопытно, есть ли после смерти рай и ад? Не переживай, батя. Для тебя уже готов персональный котёл с личным чёртом с кочергой.

— Перестань.

— Страшно, блядь?

— Не матерись!

— Ладно, не кипятись, — сказал Антон, закурив. — На самом деле там нет никакого рая и ада. Там всё иначе. Как бы тебе объяснить попроще? Есть состояние, когда ты попадаешь в *праздник* или уходишь в *унынье*.

— От чего зависят эти состояния?

— От твоей сущности, которая сидит в тебе от рождения и рулит тобою всю жизнь. Помыслы, поступки, статус... Ты можешь притворяться всю жизнь добряком, о котором соседи говорят, что он всегда здоровался и помогал вынести мусор. Но внутри ты изверг и садист, насилующий ночами несчастную жену и раздающий сыну оболтусу отменных тумачков. Против сущности не попрёшь. Она и выбирает оптимально комфортное для тебя состояние.

— Комфортное? — удивился Герман.

— Ну, конечно, — подтвердил Антон. — В том то и прелесть, что после смерти попадаешь туда, где будет бесконечно хорошо. И убийце, и святоше, и даже серому служке из адвокатской конторы.

— Ха-ха-ха, — оскорбился Герман. — Очень смешно.

— Так посмейся, чувак. Это действительно смешно.

— Не называй меня чуваком... Не хочу быть кастрированным бараном.

— Как скажешь, чувак...

— И что выбрал ты? — предпочёл вернуться к исходной теме Морозов. — Куда привела тебя твоя сущность в шестнадцать лет?

— А со мной получилось иначе, — охотно ответил Антон.

— Как это?

— Мне дали выбор: отправиться в *праздник*, либо остаться здесь — на Земле.

— Кто дал? — допытывался Герман.

— А вот этого нам не дано знать даже после смерти.

Антон замолчал, пуская в потолок дымные кольца.

— Ну? — сгорал от нетерпения Морозов.

— Я здесь, перед тобой, во всей красе... Разве не очевидно?

— Идиот, — схватился за голову Герман. — Какой ты идиот.

— Так есть в кого, — усмехнулся Антон.

Стараясь не обращать внимания на колкости сына, Герман медленно поднялся с корточек.

— Но зачем? Зачем ты здесь?

— А что? Ты не рад меня видеть?

— Рад, — ответил Герман. — Безумно рад. Но согласись — твоё присутствие в сложившейся ситуации, как минимум не правдоподобно.

— Согласен, — сказал Антон. — Мой тебе подарок на Новый год. И какой подарок? Волшебный. Не каждый день воскресают мёртвые сыновья.

— Не поспоришь.

— Так оцени... Ты не представляешь, какой я путь проделал, чтобы оказаться здесь перед тобой.

Герман подошёл к обесточенной ёлке, постоял в задумчивости в полумраке, ткнул пальцем белого пластикового ангела на ветке, затем вернулся к сыну.

— Дай сигарету, — попросил он.

— Ты же бросил? — удивился Антон.

— Бросил...

Выудив из банного полотенца пачку и передав её отцу, Антон внимательно наблюдал, как тот закуривает и с жадностью тянет дым.

— Когда мы виделись в последний раз? — спросил Морозов младший.

— Не помню точно, — закашлялся Морозов старший. — Год назад.

— Полтора, — поправил его Антон.

— Ты стал совсем чужим. Сторонился меня, отмалчивался. И глядел волчонком.

— А чего ты ожидал? Радости и восхищения от твоих визитов?

— Хотя бы банального общения, — сказал Герман, прикурившись.

— Общения?! — вскинулся Антон. — Ты хотел общения? После того, как бросил нас и ушёл к своей проститутке?!

— Не говори так, — тихо отозвался Герман. — Марина хорошая женщина.

— Ага! — усмехнулся Антон. — И по совместительству бывшая мамина подруга.

— Так случается, сынок.

— Лучшая подруга, на секундочку!

— Именно так и случается.

Антон швырнул бокал со скотчем в камин.

— Как ты мог?! — негодовал подросток. — Неужели у тебя нет элементарных принципов и понятий?

— Знаешь такое: кобель не вскочит, если сука не захочет? — ответил Герман, глядя на стойкий бокал на горящих паленьях.

— Именно, что сука! Именно, что кобель!

— Я отреагировал на её знаки внимания по-мужски. Я здоровый самец. Она привлекательная самка детородного возраста. Только и всего. Это природа, сынок. Нельзя идти против природы.

— Не называй меня *сынок*, — скривился Антон. — И не надо прикрываться природой... Самец! Ишь ты, как загнул... Ты, прежде всего человек — муж и отец. Хреновый, как оказалось, муж и отец.

— Не суди меня, пока сам не станешь мужчиной...

Морозов осёкся, поняв, что сказал ерунду.

— Извини... Я не подумал.

— Вот именно: ты не подумал, — сказал Антон, отвернувшись. — И что в тебе бабы находят? Борода эта козлиная, седая... Голос манерный, и походка... Ты похож на того актёра из сериала «Псих».

— Богомолов, — напомнил Герман. — Между прочим, он не столько актёр, сколько режиссёр. Театральный режиссёр таких скандальных постановок...

— Да насрать! — перебил Антон, закрыв лицо ладонью.

Его побитое тело вздрогнуло и затряслось.

— Эй, — позвал сына Морозов. — Ты чего?

— Отвали!

Антон плакал, отвернувшись от отца и пряча от него свои слёзы.

— Перестань, — по возможности спокойно произнёс Герман. — Тырываешь мне сердце на куски.

— Сомневаюсь, что оно у тебя есть, — отозвался Антон, шмыгая носом.

— Ладно тебе...

Герман коснулся ледяной головы сына, потрепав его за мокрые волосы.

— Глянь, как зарос... Хиппуешь?

— Не трогай меня, — попросил Антон, уняв слёзы.

— Ты мой сын, — заметил Герман, убрав свою руку. — Хочу и трогаю.

— Был сын! Был, да сплыл!

— Я вижу обратное.

— А что же ты видишь?

— Ты здесь, передо мной...

— Хуйня всё это, — усмехнулся Антон. — Ты перебухал и спишь сейчас в кресле, а я тебе снюсь.

— Не правда, — возразил Герман. — Я могу отличить сон от реальности.

— Как тогда, после осеннего запоя?

Герман смолчал, не зная, что ответить.

— Нечем крыть?

— Я не сплю, — настаивал Морозов старший.

— В самом деле?

Морозов младший поманил отца пальцем, словно что-то хотел ему шепнуть на ухо. Герман наклонился к его голове, наострив слух.

— Ёпта! — выдал Антон, хлопнув в лицо отцу ладонями.

Герман вздрогнул, обнаружив себя сидящего в кресле с бокалом в руке. Ёлка вспыхнула в лихорадочном мигании разноцветных огней; музыкальная пластинка взвизгнула под напором ожившей иглы и разродилась прерванной песней:

Проснись и пой,

Проснись и пой.

Попробуй в жизни хоть раз —

Не выпускать улыбку из открытых глаз.

Герман приподнялся в кресле и осмотрелся вокруг.

— Антон? — позвал он. — Ты здесь?

В камине потрескивали поленья. За окном гудела выюга, швыряя в стекло горсти сумасшедшего снега.

— Где ты, сынок?

Уловка не сработала — Антон не откликнулся на обидное для себя слово... Морозов покинул тёплое кресло и тихо прокрался в коридор. Взявшись за перила, он стал медленно преодолевать ступеньки, поднимаясь по лестнице на второй этаж.

— Антон, ты там? — спросил Герман тишину, направляясь к душевой. — Четыре, пять... Я иду искать.

Морозов не мог молчать — он боялся, что наткнётся на куртку или школьную сумку покойного сына, которая тащилась за ним, словно мёртвая псина, пристёгнутая поводком к ноге... Но вещей Антона на полу не наблюдалось. Выждав пять секунд, Морозов решительно распахнул дверь и включил яркий электрический свет.

— Ёпта! — воскликнул Герман, ворвавшись в душевую.

Антон нигде не было.

Лишь мерно капала вода из крана.

И пластинка заела внизу.

Всё позабыть, что миновало,

Всё, что упало, то пропало,

*Всё, что ушло, обратно не вернёшь.
Только туда и Нет обратно,
То, что сейчас невероятно
Завтра, наверняка, произойдёт.
Проснись и пой.*

4

- Как назвали?
- А то ты не знаешь.
- Прости, запомнил.
- Артём его зовут.
- Артём?
- Тебе что-то не нравится?
- Да нет. Пойдёт. На этот раз ты отличился в лучшую сторону.
- На что намекаешь?
- Прикидываешься?
- Не понимаю тебя.
- Раньше ты не был так оригинален в выборе имён для своего ребёнка.
- Чем же не устраивает твоё имя?
- Не включай дурака...
- Серьёзно: не понимаю тебя.
- Лишь полный мудак мог назвать своего сына Антоном.
- Почему?
- Ты издеваешься?!

Герман смотрел на обоих своих сыновей, усевшись вместе с ними в позе лотоса среди распакованных праздничных коробок под ёлкой. Не отрывая глаз, Артём смотрел на брата, слушая его с раскрытым ртом и неподдельным интересом.

— Антон — красивое имя, — заметил Герман.

— Ага... И рифмуется тоже красиво.

Морозов понял, наконец, на что намекал Антон.

— Ах, вот ты о чём... Ну, тогда спешу тебя обрадовать. Имя, действительно, выбрал я. А твоя мать предлагала назвать тебя Эдиком.

— Не впутывай сюда мою мать, — сказал Антон, вручив младшему брату игрушечный автомобиль.

— Не хочешь принять неудобный факт? Спроси у неё сам.

— Обязательно.

— Антон — значит, воинственный, — продолжал Герман. — Потомок древнеримских императоров.

— Сам придумал?

— Отнюдь... Можешь проверить в интернете.

— Мне всегда нравилось имя Вальдемар, — заявил Антон, не то, шутя, не то серьёзно. — Меня бы называли просто — Вал. Круто звучит.

— Сомневаюсь, что в школе с таким именем тебе жилось бы проще, — усмехнулся Герман, забрав у Артёма игрушечный автомобиль. — Глупости твой брат говорит. Правда, Тёма? Ты ведь видишь его сейчас, а?

— Ты видишь меня? — подхватил Антон, склонившись над младшим братом. — Тём, махни рукой, если меня видишь.

Артём широко улыбнулся и охотно замахал рукой.

- Видит! — улыбнулся в ответ Антон, пожав его ладошку.
- Видит, — задумчиво повторил Морозов. — Странно всё это...
- А почему он такой мутный? — спросил вдруг Артём.
- Герман и Антон переглянулись.
- Что ты имеешь в виду, сынок?
- Я не вижу его лица, — пояснил Артём. — Как в тумане. Как тогда, когда надевал бабушкины очки. Мутный.
- Интересно, — задумчиво произнёс Герман.
- Стоп, — сказал Антон. — А ты меня как видишь?
- Да нормально, — ответил Герман. — Я даже заметил, что у тебя исчезли ссадины и гематомы.
- Разве они у меня были?
- Герман молча кивнул.
- Хм, не обратил внимания...
- Слушай... Ты не подумай чего скверного, но я должен спросить...
- Валяй.
- Зачем ты здесь опять? — поинтересовался Герман у Антона.
- Не опять, а снова, — ухмыльнулся подросток.
- И всё же?
- Я к вам пришёл навеки поселиться, — ответил Антон гробовым ямбом, — надеюсь я найду у вас приют.
- Шутить изволишь? — помрачнел Герман.
- Да ты расслабься! — рассмеялся Антон. — Это из «Золотого телёнка».
- Неужели?
- Я погощу у вас какое-то время. Только и всего.
- Погостишь? — растерялся Герман. — Где?
- В гостевой... Логично? Или вы кого-то ждёте?
- Вроде нет.
- Может, ты не рад мне? — спросил Антон, сверля отца пытливым взглядом.
- Ну, почему же? — молвил тот. — Гости на здоровье.
- А ты рад, Тёмка?
- Рад! — без раздумий ответил младший брат. — Ты смешной, как в бабушкиных очках.
- Вот видишь? — улыбнулся Антон. — Я смешной.
- Папа, — обратился Артём к отцу: — а что такое *мудак*?
- Морозов удручённо посмотрел на старшего сына.
- Чего? — усмехнулся Антон.
- Молодец, — вздохнул Герман. — Расширяешь словарный запас младшего брата.
- А он хорошо разговаривает для трёх лет, — попытался сменить тему Антон. — Тёма, скажи: сунул грека руку в реку...
- Что такое мудак? — повторил свой вопрос Артём. — И почему он *полный*?
- ...Рак за руку греку цап!
- Какой теперь на хер грека? — сердился Герман.
- Что такое *хер*? — любопытствовал Артём.
- Антон не сдержался, рассмеявшись от души.
- Смешно тебе? — бушевал Морозов. — Он теперь будет повторять. И матери всё выдаст...
- Мам! — подорвался с места Артём, побежав из гостиной на кухню. — Что такое *хер*?! —
- Пиздец, — процедил сквозь стиснутые зубы Герман.
- Сам виноват! — катался по полу Антон. — Про *мудака*, как видишь, он забыл.

— Не обольщайся — вспомнит...

Из кухни послышались голоса: восторженный Артёма и удивлённый Марины.

— А он прикольный, — заметил Антон.

— Тс-с!

Герман прислушивался к голосам, стараясь разобрать каждое слово.

— Всё, — констатировал он. — Мне хана.

— Да брось ты! — махнул рукой Антон. — Это не самые страшные слова, которые он мог сегодня слышать.

— Мы никогда при нём не сквернословим.

— Похвально.

Антон поднялся с пола и оттряхнул свои зауженные джинсы.

— Она знает? — спросил он у отца.

— Кто? — не понял Герман. — Ты о чём?

— Тётя Марина знает, что ты на мои сорок дней кувыркался с моей мамой?

Герман удивлённо захлопал глазами.

— Как тебя понимать?

— Не знает, значит...

— Ты-то откуда знаешь?

— Надо будет ей рассказать, — подмигнул Антон, направившись в сторону коридора.

Прихрамывая на правую ногу, подросток медленно поднялся по лестнице на второй этаж. В камине догорал огонь. В белых окнах тихо падал снег. В гостиную, опережая мать, вбежал Артём.

— Где? — спрашивала Марина у сына.

— Он был здесь, — заверял её Артём, кружась под ёлкой. — Прямо здесь сидел. Вместе с нами.

— О ком он говорит? — спросила у мужа Марина.

Герман пожал плечами.

— Он спрятался! — воскликнул Артём, ринувшись в коридор.

— Ну? — подсела к Герману Марина. — Что за новые слова наш сын усвоил?

— В садике, скорее всего, услышал, — сказал Герман, натужно зевнув.

— И как тебе?

— Могло быть гораздо хуже.

— Да уж...

— Что сегодня на ужин?

— Спагетти с томатным соусом и фрикадельками.

— Класс.

— Минут через десять всё будет готово.

Поцеловав супруга в щёку, Марина вернулась на кухню. В гостиную, запыхавшись и покрасневшись, вошёл Артём.

— Где Антон? — спросил у него Герман.

— Не знаю, — ответил Артём.

— А в комнате для гостей смотрел?

— Смотрел.

— И там нет?

— Нету.

— Может, в душевой спрятался? — предположил Герман.

— Я везде искал, — признался Артём, вытирая лоб ладонью. — Как сквозь землю провалился.

— М-да, — задумчиво произнёс Морозов. — Как сквозь землю... Верно подмечено.

— Наверно, он очень хорошо спрятался...

— Даже не сомневайся.

— Он вернётся? — спросил Артём.

— Понятия не имею, — ответил Герман, потрепав сына по голове. — Ты хочешь, чтобы он вернулся?

— Хочу, — кивнул Артём. — Он смешной.

— Ага. Обхохочешься... Только маме о нём больше не говори.

— Почему?

— А то он не вернётся.

— Ладно, — согласился Артём. — Не скажу.

— Честно?

— Честно.

— Вот и славно, — улыбнулся Морозов. — Это будет нашей с тобой тайной.

— Тайной, — шёпотом повторил Артём.

— Идём ужинать...

Ночью Герман спал беспокойно. Мучили кошмары. Ему снилась заброшенная ферма трупов, на которую он набрёл случайно, заблудившись в хвойном лесу. Разлагающиеся в разных стадиях тела лежали повсюду: в клетках, в траве, под деревьями, в воде, под солнцем и в тени, под землёй и на камнях; иные висели на деревьях, вразнобой раскачиваясь на ветвях в набегавших порывах ветра; иные парились под полимерными плёнками. Трупы тонули в ваннах с мутной водой; трупы служили пищей для животных; кое-кого даже засунули в багажник ржавого автомобиля... Вокруг тел шевелилась гнилая трава, а запах в лесу стоял невыносимый. Герман думал, что сходит с ума. Он словно смотрел фильм от первого лица — фильм с многократным ускорением этапов разложения, сопровождаемый бурной оркестровой музыкой, отдаённо напоминавшей сочинения Филипа Гласса. Герман видел, как стремительно тают тела под натиском червей и тлетворных бактерий, как свистит, вздувается и лопаётся плоть, как она превращается в кашу, пока не остаётся один лишь скелет... Среди прочих, Герман увидел тело подростка, на которого наехал помятый автомобиль. Тело лежало навзничь с разбросанными в стороны руками и ногами. Нависнув над телом, Герман вгляделся в лицо подростка, различив в его ушах беспроводные наушники. Запечатлеть и распознать черты лица не удалось, ведь тело разлагалось чрезвычайно быстро. Трупные пятна расплзлись по всему телу; треснула кожа; размножился червь; плоть сдулась и обнажился грязный скелет в жизнерадостном оскале... Челюсть у скелета отвисла, и Герман услышал пронзительный нечеловеческий вопль.

Морозов вздрогнул и присел на кровати. Где-то за стеной гремела музыка, оглушая дом электронными битами и стремительным речитативом:

Я зависаю с мародёрами на кладбищах!

Герман посмотрел на жену (Марина, раскрыв рот и похрапывая, крепко спала). Морозов откинул одеяло и босиком поспешил в коридор. Как он и думал, музыка гроыхала в комнате для гостей. Распахнув дверь, Герман набросился на массивную колонку и убавил звук до минимума.

— Ты что здесь устроил?!

— Скучаю в одиночестве, — ответил Антон, развалившись на диване. — Решил послушать Мирона.

— Мирона? — сокрушался Герман. — В три часа ночи?

— А чё... Самое то.

— Ты мог Артёма разбудить. Марину.

— Не разбудил же, — усмехнулся Антон. — Это музло, батя, лишь для твоих ушей.

— Я один это слышу?

— Ты, да я, да мы с тобой.

Герман осмотрелся в комнате, заметив в углу школьную сумку сына.

— Уже вещи свои принёс, — сказал он, прикрыв дверь. — Обживаешься?

— А то! — ответил Антон.

— Наушники одень.

— Какие наушники?

— Беспроводные.

— Откуда ты знаешь, что они у меня есть? — удивился Антон.

Морозов осёкся, вспомнив подробности сна.

— Они теперь у всех подростков, — ответил он.

— Ладно... Уважу хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.